

К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)»

© 2024, М.В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научно-го фонда, проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: «Повесть о жизни»» (<https://rscf.ru/project/24-28-01479/>).

Аннотация: В статье раскрыты основные вехи творческого сотрудничества К.Г. Паустовского с редакциями журналов «Знамя» и «Новый мир», в которых публиковалась «Повесть о жизни». Выявлены и кратко охарактеризованы прижизненные печатные источники текста трех глав шестой части «Повести о жизни» — «На медленном огне. (Книга странствий)»: «Четвертая полоса», «Январская стужа» («Стужа») и «Ночные поезда». Проведен анализ разночтений и высказаны аргументированные гипотезы о причинах их возникновения. Писатель, опубликовав отдельные главы в периодических изданиях, а затем все произведение — в журнале «Новый мир», продолжал работать над текстом: расширял или уточнял характеристику персонажей, корректировал описания, добавлял или снимал эпитеты. В ряде случаев после публикации в «Новом мире», подготовка которой не обошлась без редакторского вмешательства, Паустовский вернулся к первоначальному варианту, порой внося в него мелкую редакторскую правку. В статье вводятся в научный оборот новые источники, в том числе адресованные писателю письма, авторы которых высказывали свое отношение к тому что прочитанной шестой части «Повести о жизни».

Ключевые слова: Паустовский, «Повесть о жизни», журналы «Новый мир», «Знамя», «Литературная газета», текстология, источники текста, редакторская правка.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Для цитирования: *Скорородов М.В.* К вопросу о печатных источниках 6-й части «Повести о жизни» К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 261–289. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-261-289>

В «Коротком объяснении», предваряющем пятую книгу «Повести о жизни» — «Бросок на юг», Паустовский охарактеризовал композицию, которая была выстроена им в первых пяти книгах в соответствии с законами драматургии:

Первая книга («Далекие годы») может быть названа экспозиционной, неторопливым введением к повествованию. Вторая («Беспокойная юность») дает развитие действия; третья и четвертая («Начало неведомого века» и «Время больших ожиданий») соответствуют наибольшему напряжению, а пятая («Бросок на юг») приносит с собой некоторую разрядку. Это всегда происходит в пьесах. Драматург делает разрядку, чтобы зритель немного отдохнул. А затем подходит закономерный конец [2, с. 4].

Шестая книга может рассматриваться как итог автобиографического повествования, хотя она и имела яркое и боевое название — «На медленном огне. (Книга скитаний)», и поэтому может претендовать на роль новой кульминации, переводящей в экспозицию все прежде написанное. Тем более что автором была задумана и начата седьмая часть, не написанная из-за смерти. «Короткое объяснение» было сохранено автором в последнем прижизненном издании — в ставшем итоговым для прозаика восьмитомном собрании сочинений [3, с. 217–218]. Это «объяснение» дано не в начале всего текста — как объединяющая его вступительная глава, а вновь как первая глава пятой части повести, так что шестая часть оказывалась несколько обособленной от общей композиции.

Полностью текст шестой части повести Паустовского был опубликован (не считая перепечаток) при его жизни четырежды: в журнале «Новый мир» (1963), отдельным изданием «Книга скитаний» (1964), во втором томе двухтомника «Повесть о жизни» (1966) и в томе пятом 8-томного собрания сочинений (1968).

В качестве источников текста мы не учитываем публикацию «Книги скитаний» в газете «Новое русское слово», начавшуюся 30 июня 1964 г., поскольку это перепечатка из журнала «Новый

мир», как и ранее воспроизведенные в названном эмигрантском издании отдельные главы.

Публикация «Книги скитаний» в «Новом мире» открывалась информацией под сноской: «От автора. Повесть “Книга скитаний” является шестой по счету книгой автобиографического цикла “Повесть о жизни”. Она непосредственно связана с предыдущей, пятой, книгой этого же цикла — “Бросок на юг”»¹. Эта публикация вызвала значительный интерес читателей. Отметим здесь только практически неизвестные отклики, содержащиеся в корреспонденции, приходившей писателю по случаю наступающего 1964 г.² Так, М.К. Куприна-Иорданская 23 декабря 1963 г., поздравляя Паустовского, делилась с ним впечатлениями о «Книге скитаний»:

...читаю в «Новом мире» Ваши воспоминания и второй раз плачу.

После необыкновенно шаблонных, скудных и мертвых воспоминаний о Владимире Ильиче, которые появились за несколько последних лет, я впервые прочла замечательные по силе художественного изображения, искренние страницы о том, как Вы, опоздав на московский поезд, слушали могучий гудок московского экспресса, внезапно остановившегося на пути среди сугробов, чтобы присоединиться к заводским гудкам, выражая общую скорбь.

Второй раз — когда Вы вспоминаете о матери, расставшейся с мужем³.

А. Гладков, в письме от 28 декабря 1963 г. поздравив К.Г. Паустовского и его супругу с наступающим новым годом, отметил новомирскую публикацию: «С большим удовольствием прочитал в журнале “Книгу скитаний”. Особенно мне понравилась ее вторая половина (Роскин, Малеевка, беглый, но выразительнейший портрет Сталина и многое другое). Интересно, кто это “старый поэт”, который говорил: “пыс”. Это не С. Бобров?»⁴

Кроме названных выше четырех полных публикаций шестой части «Повести о жизни» следует учитывать и публикации отдельных глав в газетах и журналах. Фрагменты книги, авторская работа над

¹ Новый мир. 1963. № 10. С. 63.

² Выражаю искреннюю признательность за возможность знакомства с фондовыми коллекциями коллективу московского Музея К.Г. Паустовского и лично директору А.И. Дормидонтовой и заместителю директора — главному хранителю фондов И.С. Пахомовой.

³ Московский Музей К.Г. Паустовского (далее: МЛМЦ КГП). КП 3292/22. Л. 1.

⁴ МЛМЦ КГП. КП-3292/8. Л. 1. См. также открытку О. Колычева от 30 декабря 1963 г. (МЛМЦ КГП. КП-3292/17. Л. 1).

которой еще не была завершена, начали появляться в печати с января 1962 г. — всего через полгода после того, как в издательстве «Советский писатель» было подписано в печать отдельное издание книги «Бросок на юг». В «Литературной газете» 1 января 1962 г. была опубликована глава «“Четвертая полоса”» — в ней рассказывается о быстром вхождении Паустовского в литературную жизнь Москвы благодаря сотрудничеству с газетой «Гудок», в которой в 1920-е гг. работали М.А. Булгаков, С.Г. Гехт, И.А. Ильф, Ю.К. Олеша и др.

Газетная публикация «“Четвертой полосы”» вызвала оперативный отклик Н. Москвина, написавшего Паустовскому 7 января 1962 г.:

По телефону я не смог все сказать об отрывке в «Лит<ературной> Газ<ете>».

Хорош «океанский дом» с чугунными лестницами, со столовой, с папиросами «Червонец».

Прекрасны гортензии-немки. Тут всё зримо и остроумно: их сухопарость, их водянисто-розовый цвет, а позже — их слабый (от неврастении!) румянец...

Ильф — Мали — какая далекая, смелая, но превосходная ассоциация! Вообще Ильф (да и другие) показаны с совершенно новой и интересной стороны. Кроме того и физически его видишь.

Повествование идет так, как будто это было вчера⁵.

Через две недели после «Литературной газеты», 15 и 16 января 1962 г., «“Четвертая полоса”» появилась в нью-йоркской газете «Новое русское слово», регулярно занимавшейся перепечаткой материалов из советских изданий.

Публикация в «Литературной газете» сопровождалась редакционным врезом, на который следует обратить внимание, поскольку он связан с историей публикации текста Паустовского. В издании отмечено: «“Четвертая полоса” — глава из новой книги К. Паустовского. Книга эта составит шестую часть автобиографического цикла “Повесть о жизни”. Новая книга будет опубликована в журнале “Знамя” в 1962 году»⁶. Намерение напечатать новую автобиографическую книгу Паустовского в «Знамени» подтвердил спустя почти полгода главный редактор этого журнала В.М. Кожевников⁷,

⁵ МЛМЦ КГП. КП-3292/299. Л. 1.

⁶ Литературная газета. 1962. 1 января. № 1. С. 2.

⁷ Занимал пост главного редактора журнала «Знамя» с 1949 г.

отметивший в номере «Правды» от 10 июня 1962 г.: «Возможно, что нам удастся до конца года опубликовать “Повесть о жизни” К. Паустовского»⁸. Об актуальности этих планов, впрочем, уже перенесенных с 1962-го на 1963 г., свидетельствует неподписанный материал «Пусть побеждает лучшее» от 11 октября 1962 г., в котором идет речь о журнале «Знамя»: «К. Паустовский заканчивает и передает редакции “Повесть о жизни” — из цикла его автобиографических книг»⁹. Намерения опубликовать Паустовского подтверждают информационно-рекламные материалы самого журнала — на 4-й странице обложки «Знамени» за октябрь 1962 г.: «Подписывайтесь на журнал “Знамя”! В первой половине 1963 года вы прочтете в журнале романы и повести: <...> К. Паустовского “Повесть о жизни” <...>»; на 2-й странице обложки ноябрьского номера за тот же год: «Читайте в журнале “Знамя” в 1963 году <...> Новую книгу Константина Паустовского “Повесть о жизни” <...>». В 1963 г. подобная информация в журнале не появлялась.

Объективные предпосылки для публикации нового произведения писателя в «Знамени» существовали, поскольку в этом издании еще с 1930-х гг. публиковались как произведения Паустовского¹⁰, так и отклики на его творчество¹¹. В частности, журнал откликнулся на выход четвертой части «Повести о жизни» в трех весенних номерах «Октября» за 1959 г. — «Время больших ожиданий»¹². Упоминания в «Знамени» имени Паустовского в разных контекстах и публикация там его произведений на протяжении нескольких десятилетий свидетельствуют о том, что редакционная политика журнала никоим

⁸ *Кожневиков В.* О нашем журнале // Правда. 1962. 10 июня. № 161. С. 4 (в рубрике «“Знамя” в гостях у “Правды”»).

⁹ *Б. п.* Пусть побеждает лучшее // Литературная газета. 1962. 11 октября. № 122. С. 1.

¹⁰ «Гончие псы. Рассказ [Созвездие Гончих Псов. Повесть]», «Потерянный день. Рассказ» (1937. № 6. С. 3–24; С. 25–34), «Поводырь» (1938. № 2. С. 188–193), «Северные рассказы [Северная повесть]. Рассказ первый» (1938. № 1. С. 155–181), «Северные рассказы [Северная повесть]. Рассказ второй» (1938. № 3. С. 68–99), «Северные рассказы [Северная повесть]. Рассказ третий» (1938. № 4. С. 56–77), «От Волги к Дону. Путевые заметки» (1951. № 8. С. 103–115), «Рождение моря. Повесть» (1952. № 4. С. 8–64; № 5. С. 95–143), «Счастлиное время» (1952. № 10. С. 143–145), «Поэзия прозы» (1953. № 9. С. 170–176).

¹¹ Например: *Зелинский К.* Литература и грядущая война // Знамя. 1938. № 4. С. 217–233 (на с. 221–222 — о рассказе Паустовского «Золотое время»); *Брайнина Б.* [Рец. на:] Константин Паустовский. «Далекие годы». М.–Л., Издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1946; Константин Паустовский. «Новые рассказы». М., «Советский писатель», 1947 // Знамя. 1947. № 6. С. 130–134; *Горышин Г.* Градус благородства // Знамя. 1962. № 9. С. 182–188.

¹² *Панков В.* Народное и человеческое // Знамя. 1959. № 9. С. 193–211.

образом не препятствовала появлению в нем новой части «Повести о жизни».

Однако Паустовский напечатал свое произведение в «Новом мире», с которым, как и со «Знаменем», активно сотрудничал тоже со второй половины 1930-х гг. — в февральском номере за 1938 г. был напечатан его очерк «Маршал Блюхер», в том же году выпущенный отдельной книгой для школьников старшего возраста. Плодотворное сотрудничество с журналом продолжилось в 1940–1950-е гг. Так, в номерах с 3-го по 6-й за 1955 г. публиковалась вторая часть «Повести о жизни» — «Беспокойная юность». В «Новом мире» Паустовский печатался и в начале 1960-х гг.¹³

При этом прекрасно известно, что отношения Паустовского и А.Т. Твардовского были непростыми. Об этом свидетельствуют не только дневниковые записи поэта и редактора [5], но и упоминания Александра Трифоновича в письмах, еще не введенных в научный оборот. Например, в письме Д. Данина Паустовскому от 26 февраля 1963 г., в котором идет речь о сборнике, посвященном памяти Э.Г. Казакевича, отправитель письма вспоминает «ту отвратительную сцену за кулисами панихиды, когда Твардовский с генеральско-министерской государственностью в интонациях воспротивился чтению Вашей речи; единственно, что я мог сделать, это высказать ему сполна свое мнение по поводу этого запрета. Тогда же я подумал, что в Вашей речи есть уже зерно прекрасных будущих воспоминаний об Э. К<азакевиче>»¹⁴.

Вероятно, отказ от планировавшейся публикации в «Знамени» объясняется корректировкой планов самого Паустовского: из-за обострившихся проблем со здоровьем он не смог передать в журнал готовый текст ни во второй половине 1962-го, ни в начале 1963 г. Работа над биографической книгой была приостановлена на довольно длительный срок и возобновилась лишь летом 1963 г., о чем писатель сообщил Л.Н. Делекторской 3 июля 1963 г. [4, т. 9, с. 427].

Отметим еще одну прижизненную публикацию главы ««Четвертая полоса»». В 1962 г. в издательстве «Советский писатель» велась активная работа над книгой «Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове». Естественно, что Паустовскому, близко знавшему названных авторов, предложили принять участие в этом издании, и он

¹³ «Взамен юбилейной речи» (к 70-летию со дня рождения К.А. Федина — 1962. № 2), «Дорожные записи» (1962. № 5; окончательное название — «Итальянские записи»), «О человеке и друге» (памяти Э.Г. Казакевича; 1962. № 10), «Третье свидание» (1963. № 6).

¹⁴ МЛМЦ КГП. КП-3292/9. Л. 2.

дал для публикации фрагмент еще не завершенной книги — ее главу «“Четвертая полоса”», в которой значительное внимание уделялось Ильфу. В сборник, сданный в набор 23 августа 1962 г. и подписанный в печать 15 марта 1963 г., вошли также тексты Ю.К. Олеси, К.М. Симонова, И.Г. Эренбурга, Бор. Ефимова, И.В. Ильинского и других авторов.

Таким образом, глава «“Четвертая полоса”» имеет семь печатных источников текста: публикации в газете, журнале, сборнике воспоминаний и четырех авторских книгах.

Для сопоставления возьмем три ранних источника, относящихся ко времени активной работы автора над книгой, а также последнюю прижизненную публикацию¹⁵. В качестве примеров используются фрагменты, демонстрирующие, насколько различными были варианты вносимых изменений.

	«Литературная газета»	«Новый мир»	Собр. соч. в 8 т. Т. 5
1	<p>После возвращения с юга в Москву я долго бродил по разным редакциям в поисках работы. Однажды в редакции «Гудка» я встретил Виктора Шкловского. Он остановил меня и сердито сказал:</p> <p>— Если хотите писать, то привяжите себя ремнями к письменному столу. Старших надо слушаться!</p> <p>— У меня нет письменного стола. Я не Ротшильд! <...></p>	<p>После возвращения из Екимовки я долго бродил по разным московским редакциям в поисках работы. Однажды я встретил в редакции «Гудка» Виктора Шкловского. Он остановился передо мной и сердито сказал:</p> <p>— Если хотите писать, то привяжите себя ремнями к письменному столу. Старших надо слушаться!</p> <p>— У меня нет письменного стола. <...></p>	То же.

¹⁵ Мы учитываем информацию, содержащуюся в примечаниях к 4-му тому 9-томного собрания сочинений писателя: «Текст “Повести о жизни” публикуется по изданию: К. Паустовский. Повесть о жизни, в 2-х томах. М., “Советская Россия”, 1966, — последнему изданию, в которое автор внес существенные изменения и поправки» [1, с. 710].

	<p>В комнате, где исчез Шкловский, сидели за длинными редакционными столами самые веселые и едкие люди в тогдашней Москве — сотрудники «Гудка» Ильф, Олеша, Булгаков и Гехт. Склонившись над столами и посмеиваясь, они что-то быстро писали на узких полосках бумаги, на так называемых «гранках».</p>	<p>В комнате, где исчез Шкловский, сидели за длинными редакционными столами самые веселые и едкие люди в тогдашней Москве — сотрудники «Гудка» Ильф, Олеша, Михаил Булгаков и Гехт. Склонившись над столами и посмеиваясь, они что-то быстро писали на узких полосках газетной бумаги.</p>	<p>То же.</p>
2	<p>Сотрудники «Четвертой полосы» делали из каждого письма короткий и талантливый рассказ <...>. Неподготовленных читателей ошеломляли самые заголовки этих рассказов: «Шайкой по черепу!», «И осел ушами шевелит», «Станция Мерв — портит нерв».</p>	<p>Сотрудники «Четвертой полосы» делали из каждого письма короткий и талантливый рассказ <...>. Неподготовленных людей ошеломляли самые заголовки этих рассказов: «Шайкой по черепу», «И осел ушами шевелит», «Станция Мерв — портит нерв».</p>	<p>Сотрудники «Четвертой полосы» делали из каждого письма короткий и талантливый рассказ <...>. Неподготовленных людей ошеломляли уже самые заголовки этих рассказов: «Шайкой по черепу», «И осел ушами шевелит», «Станция Мерв — портит нерв».</p>
3	<p>Стоя на пороге и как бы боясь войти, Регинин торопливо рассказывал последние анекдоты. Часто шквалом врвался Шкловский и с жестоким напором прославлял Маяковского и Велемира Хлебникова. <...> Мирились только с одним хрипучим и живописным халтурщиком — репортером по прозвищу «Капитан Чугунная Нога».</p>	<p>Стоя на пороге и как бы боясь войти, Регинин начинал быстро рассказывать последние анекдоты. Часто шквалом врвался Шкловский и с жестоким напором прославлял Стерна и Велемира Хлебникова. <...> Мирились только с одним старым, хрипучим и живописным халтурщиком-репортером по прозвищу «Капитан Чугунная Нога».</p>	<p>Стоя на пороге и как бы боясь перешагнуть его, Регинин тут же начинал рассказывать последние анекдоты. Часто шквалом врвался Шкловский и с жестоким напором прославлял Стерна и Велемира Хлебникова. <...> Мирились только с одним старым и хрипучим халтурщиком-репортером по прозвищу Капитан Чугунная Нога.</p>

4	<p>Меня в этой страшноватой комнате встретили сравнительно спокойно, может быть, потому, что я дружил с Бабелем.</p>	<p>Я попал в эту страшноватую комнату вскоре после приезда из Рязани. Меня встретили спокойно, должно быть потому, что я дружил с Бабелем.</p>	<p>Я попал в эту страшную комнату вскоре после приезда из Екимовки. Меня встретили спокойно, должно быть потому, что я дружил с Бабелем.</p>
5	<p>Под этой насмешкой скрывалась любовь к Бабелю и даже гордость им, — казалось, он знал на ощупь вес каждого слова.</p>	<p>Под этой насмешкой скрывалась любовь к Бабелю и даже гордость им. Считалось, что он один знал на ощупь вес каждого слова.</p>	<p>То же.</p>
6	<p>И начинался блестящий и неистощимый разговор, который остальные сотрудники «Гудка» прозвали «Декамероном» и «Шехеразадой».</p>	<p>И начинался неистощимый разговор, который сотрудники «Гудка» прозвали «Декамероном».</p>	<p>То же.</p>
7	<p>То был необыкновенный и шипучий фольклор тех лет.</p>	<p>То был шипучий фольклор тех лет.</p>	<p>То же.</p>
8	<p>Самый плодовитый писатель (не считая Бальзака и польского беллетриста Крашевского, автора свыше двухсот романов) не может работать свежо и в полную силу больше четырех-пяти часов в сутки.</p>	<p>Самый плодовитый писатель (не считая Бальзака) не может работать свежо и в полную силу больше четырех-пяти часов в сутки.</p>	<p>То же.</p>
9	<p>В «Четвертой полосе» мне давали кое-какую работу.</p>	<p>Я уже говорил, что после приезда из Рязани начал заходить в «Четвертую полосу» «Гудка». Там мне давали кое-какую работу.</p>	<p>Я уже говорил, что после приезда из Екимовки начал заходить в «Четвертую полосу» «Гудка». Там мне давали кое-какую работу.</p>

10	<p>То был громадный, океанский дом с <...> чугунными лестницами, закоулками, подвалами, наводившими страх, парадными залами и даже с бывшей домовою церковью.</p>	<p>Это был громадный, океанский дом с <...> чугунными лестницами, закоулками, подвалами, наводившими страх, парадными залами и даже домовою церковью, превращенной в склад бумаги, и собственной парикмахерской.</p> <p>Чтобы обойти все это здание по коридорам, нужно было потратить почти час. Население Дворца труда пользовалось коридорами как пешеходными дорожками, для прогулок.</p>	<p>Это был громадный, океанский дом с <...> сквозными чугунными лестницами, закоулками, подвалами, наводившими страх, парадными залами, домовою церковью и парикмахерской.</p> <p>Чтобы обойти все это здание по коридорам, нужно было потратить почти час. Население Дворца труда пользовалось коридорами как дорожками для прогулок.</p>
11	<p>Многие из нас мечтали, конечно, о гляцевитых черно-зеленых коробках «Герцеговина Флор», но покупать эти дорогие толстые папиросы большинство из нас могло только в дни получек.</p>	Отсутствует.	То же.
12	<p><О сидевших за столом: Бабеле, Гехте, Ильфе, Олеше, Славине и Регинине> Кто знает, если бы все они не были пропитаны с детства морем, солнцем, причудливым бытом и южным весельем, то из них вышли бы совсем другие, более спокойные и сумрачные писатели. Особенно интересовал меня Ильф — немногословный, со слегка угловатым, но привлекательным лицом.</p>	<p>Кто знает, если бы все они не были пропитаны с детства морем, солнцем, причудливым бытом и южным весельем, то, может быть, из них не вышли бы писатели.</p> <p>Особенно интересовал меня Ильф — спокойный, немногословный, со слегка угловатым, но привлекательным лицом.</p>	<p>Кто знает, если бы все они не были пропитаны с детства морем, солнцем, причудливым бытом юга и южным весельем, то, может быть, из них никогда не вышли бы писатели.</p> <p>Особенно интересовал меня Ильф — спокойный, немногословный, со слегка угловатым, но привлекательным лицом.</p>

13	<p>Мне нравилась манера Гюго. Я думал тогда — и думаю это и сейчас, — что повествование должно быть совершенно свободным, дерзким, что единственный закон для него — это воля автора.</p>	<p>Мне нравилась манера Гюго. Я думал тогда — и думаю это и сейчас, — что повествование должно быть совершенно свободным, дерзким, что единственный закон для него — это воля автора. Писатель может менять ритм, характер и окраску повествования как ему будет угодно.</p>	<p>Мне нравилась манера Гюго. Я думал тогда — и думаю так и сейчас, — что повествование должно быть совершенно свободным, дерзким, что единственный закон для него — это воля автора. Писатель может менять ритм, характер и окраску повествования как ему будет угодно.</p>
14	<p><О Гехте>: Я познакомился с ним в редакции «На вахте». Он приносил туда очерки о маленьких черноморских портах. Не об Одессах, Херсонах и Николаевах, а о таких приморских городках, как, скажем, Очаков, Алешки, Голая Пристань или Скадовск. Там пароходы подваливали к скрипучим шатким пристаням, облепленным рыбой чешуей. Очерки были лаконичные, сочные и живописные, как черноморские гамливые базары. Написаны они были просто, но, как говорил Женья Иванов, «с непонятым секретом». <...> Они пахли морем, акацией и нагретым камнем-ракушечником. Вы осызали на своем лице веяние разнообразных морских ветров, а на руках — смолистые канаты.</p>	<p>Я познакомился с ним в редакции «На вахте». Он приносил туда очерки о маленьких черноморских портах. Не об Одессах, Херсонах и Николаевах, а о таких приморских городках, как, скажем, Аккерман, Очаков, Алешки, Голая Пристань или Скадовск. Там пароходы подваливали к ветхим дощатым пристаням — скрипучим, шатким и облепленным рыбой чешуей. Очерки были лаконичные, сочные и живописные, как черноморские гамливые базары. Написаны они были просто, но, как говорил Евгений Иванов, «с непонятым секретом». <...> Они пахли морем, акацией, бахчами и нагретым инкерманским камнем. Вы осызали на своем лице дыхание разнообразных морских ветров, а на руках — тяжесть смолистых канатов.</p>	<p>То же.</p>

15	Таким человеком и писателем был и остается Гехт. <...> Но, будто по уговору, никто его ни о чем не спрашивал. То был верный способ заставить человека говорить.	Таким человеком и писателем был Гехт. <...> Но, будто по уговору, никто его ни о чем не спрашивал. То был верный способ заставить его говорить.	То же.
----	---	---	--------

Разночтения между текстами, опубликованными в газете и в сборнике воспоминаний, минимальные. Это редакторская и корректорская правка. Так, перед фамилией вписано имя названного первым сотрудника «Гудка» — «Илья Ильф, Олеша, Булгаков и Гехт» (пример 1). В сборнике «Четвертая полоса» в отличие от «Литературной газеты» и других изданий дается со строчной буквы (примеры 4 и 9). В одном случае добавлено наречие меры и степени: «За ним *очень* учтиво входил Василий Регинин» (пример 3). Скорректированы написание иноязычного слова: «Шехерезадой» вместо «Шехераздой» (пример 6) и глагола: «большинство из нас *могли*» (вместо «могло») (пример 11). Также несколько слов, на которые надо обратить особое внимание, выделены разрядкой: «пахли» и «осязали» (пример 14).

В одном случае в сборнике воспоминаний возникло искажение, вызванное, скорее всего, неверной интерпретацией текста редактором или корректором. У Паустовского речь идет о сидевших за столом писателях и о том, что если бы они с детства не были пропитаны «морем, солнцем, причудливым бытом и южным весельем», то стали бы совсем другими литераторами. В сборнике «южным» исправлено на «юным» (пример 12). С последним из названных фрагментов Паустовский продолжил работу, о чем будет сказано ниже. Также в сборнике отсутствует предложение, посвященное Гехту: «Но, будто по уговору, никто ни о чем не спрашивал» — вместо варианта «Литературной газеты»: «Но, будто по уговору, никто его ни о чем не спрашивал. То был верный способ заставить человека говорить» (пример 15). Кем сделана эта правка, неясно.

Более существенны отличия новомирского варианта и близкого ему итогового (1968 г.) от того, который зафиксирован в двух наиболее ранних печатных источниках. Прежде всего, это касается зачина «“Четвертой полосы”». Напомним, что в «Книге скитаний» это третья глава, органически продолжающая вторую — «Полевая тишина», в которой повествователь рассказывает о своем пребывании в Екимовке под Рязанью, куда он поехал к священнику — отцу

Липочки, снимавшей комнату у той же хозяйки, что и он сам. Екимовка неоднократно упоминается во второй главе, в том числе в ее финальной части: «...прелесть непорочности делала итальянскую мадонну подругой крестьянской девушки Луши из села Екимовка Рязанской области» [4, т. 5, с. 411]¹⁶. И следующая глава начинается словами, связывающими ее с предыдущей: «После возвращения из Екимовки я долго бродил по разным московским редакциям в поисках работы» (пример 1). Глава в «Литературной газете» публиковалась как отдельный текст — фрагмент еще не завершенного произведения. Также возможно, что текст, ставший второй главой, в конце 1961 г., когда ««Четвертая полоса»» была сдана в редакцию «Литературной газеты», еще не был написан. Первым или обоими обстоятельствами объясняется различие зачинов: в ранних вариантах главы говорится о возвращении не из Екимовки, а «с юга в Москву». Текст девятитомника не отличается от новомирского.

Некоторые приведенные фрагменты демонстрируют, что в главу на протяжении длительного времени вносились мелкая правка: «Неподготовленных читателей ошеломляли самые заголовки этих рассказов» — в «Литературной газете» (далее — ЛГ); «Неподготовленных людей ошеломляли самые заголовки этих рассказов» — в «Новом мире» (далее — НМ); «Неподготовленных людей ошеломляли уже самые заголовки этих рассказов» — в восьмитомнике (далее — т. 5) (пример 2); «Стоя на пороге и как бы боясь войти, Регинин торопливо рассказывал последние анекдоты» — ЛГ; «Стоя на пороге и как бы боясь войти, Регинин начинал быстро рассказывать последние анекдоты» — НМ; «Стоя на пороге и как бы боясь перешагнуть его, Регинин тут же начинал рассказывать последние анекдоты» — т. 5 (пример 3). Финальный вариант фиксирует раскрываемую позже в главе мысль о том, что в «четвертую комнату» даже редактор «Гудка» старался не заходить «без особой нужды». В примере 3 мы видим корректировку фамилий лиц, которых «прославлял» Шкловский: если в ЛГ это Маяковский и Велимир Хлебников, то в последующих изданиях — Стерн и Велимир Хлебников. Долго Паустовский работал над предельно краткой,

¹⁶ В раннем варианте, зафиксированном в авторизованной машинописи с правкой, глава завершается позднее снятым абзацем: «Мадонна и Луша! В этом не было ничего удивительного. Безвестный скульптор оставил среди терпких зарослей барбариса напоминание о светлом девичестве, перед которым смягчаются даже самые сухие сердца» (РГАЛИ. Ф. 2119 (К.Г. Паустовский). Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 9; с учетом авторской правки). Этот абзац вычеркнут в машинописи редакционного варианта «Нового мира» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860; благодарю И.Н. Коржову за сообщение данной информации).

но яркой характеристикой халтурщика-репортера по прозвищу «Капитан Чугунная Нога»: в ЛГ он был «хрипучим и живописным», в НМ — «старым, хрипучим и живописным», а в т. 5 — «старым и хрипучим». Также корректируется определение ведущихся в редакционной комнате разговоров (пример 7) как фольклора: в ЛГ он — «необыкновенный и шипучий», позже — только «шипучий».

В примере 4 демонстрируется работа Паустовского над определением «четвертой комнаты»: из «страшиноватой» (ЛГ и НМ) она стала «страшной» (т. 5). Работая над текстом, автор добавляет топоним, вновь отмечая, откуда он приехал в Москву: «из Рязани» (НМ), «из Екимовки» (т. 5). Сходная правка — в примере 9.

В новомирской публикации и восьмитомнике более весомой и однозначной становится характеристика Бабеля: «...казалось, он знал на ощупь вес каждого слова» (ЛГ) заменяется в НМ на: «Считалось, что он один знал на ощупь вес каждого слова» (пример 5). Только в ранних публикациях (ЛГ и сборник) зафиксировано сравнение «блестящего и неистощимого разговора», который вели сотрудники «четвертой полосы», с «Шехерезадой», в более поздних вариантах остается только сравнение с «Декамероном» (пример 6). Как «самый плодовитый писатель» (пример 8) в ранних вариантах кроме Бальзака названа фамилия «польского беллетриста Крашевского, автора свыше двухсот романов». Только в двух ранних вариантах дается описание знаменитых папирос «Герцеговина Флор» (пример 11).

Паустовский работал и над описанием Дворца труда («громадный океанский дом»¹⁷); наиболее подробно он характеризуется в новомирском варианте (пример 10). Прозаик корректировал и другие описания — см. пример 14: «скрипучие шаткие пристани, облепленные рыбьей чешуей» (ЛГ) преобразуются в «ветхие дощатые пристани — скрипучие, шаткие и облепленные рыбьей чешуей» (НМ, т. 5), руки же осязают не «смолистые канаты» (ЛГ), а «тяжесть смолистых канатов» (НМ, т. 5). Расширяется со временем характеристика Ильфа (пример 12) от предельно краткой в ЛГ («немногословный») до двухсловной в НМ («спокойный, немногословный») и Гехта (пример 14): «вошел с таинственным видом» (ЛГ), «вошел со значительным и таинственным видом» (НМ, т. 5).

Небольшая, но принципиальная правка неоднократно вносилась в характеристику Бабеля, Гехта, Ильфа, Олеси, Славина и Регинина

¹⁷ Ранее — Московский императорский воспитательный дом; здание сохранилось; в настоящее время в нем ведутся противоаварийные работы; расположен недалеко от «высотки» на Котельнической наб., в которой Паустовский жил во время работы над «Книгой скитаний».

(пример 12) — писателей, которые «были пропитаны с детства морем, солнцем, причудливым бытом <в т. 5 — “причудливым бытом юга”> и южным весельем». В двух ранних вариантах утверждается, что из названных лиц при отсутствии всего, отмеченного выше, «вышли бы совсем другие, более спокойные и сумрачные писатели»; в НМ — суждение категоричнее: «может быть, из них не вышли бы писатели», которое обостряется в т. 5: «может быть, из них никогда не вышли бы писатели». В НМ расширена и характеристика творческой работы писателя (пример 13; сохранено в т. 5): «Писатель может менять ритм, характер и окраску повествования как ему будет угодно».

Внесено уточнение, вызванное смертью одного из героев книги — Гехта: из фразы «был и остается» (ЛГ) в НМ сохранился только первый глагол (писатель скончался 10 июня 1963 г.).

Теперь проанализируем варианты претерпевшей существенные изменения главы, посвященной трагическому событию в истории страны — смерти и похоронам В.И. Ленина. Глава была впервые опубликована с рисунками Я. Николаева в № 4 журнала «Огонек» за 1962 г. — в день кончины вождя, 21 января. Это пятый печатный источник главы наряду с четырьмя книгами.

Для сравнения взяты три варианта: «огоньковский», «новомирский» и в восьмитомнике.

	«Огонек»	«Новый мир»	Собр. соч. в 8 т. Т. 5
1	Январская стужа	Стужа	То же.
2	От костров клубился черный смолистый дым, подкрашенный багровым огнем. Дым костров и январской стужи низко висел над Москвой. Сквозь этот дым со скрежетом ползли трамваи. <...> Костры складывали на площадях из целых бревен и старых телеграфных столбов.	Над кострами клубился черный смолистый дым, подкрашенный багровым огнем. Дым костров и январской стужи низко висел над Москвой. Сквозь этот дым со скрежетом ползли, позванивая, трамваи. <...> Костры складывали на площадях из цельных бревен и старых телеграфных столбов.	Над кострами клубился черный смолистый дым, подкрашенный багровым огнем. Дым костров и январской стужи низко висел над Москвой. Сквозь этот дым со скрежетом ползли, позванивая, трамваи. <...> Костры складывали на площадях из целых бревен и старых телеграфных столбов.

3	<p>Со стороны Красной площади доносились сильные взрывы. Там разбивали окаменелую землю.</p>	<p>Со стороны Красной площади доносились сильные взрывы. Там разбивали окаменелую землю, готовили могилу для Ленина.</p>	<p>То же.</p>
4	<p>Со мной в толпе шел капитан дальнего плавания, сотрудник морской газеты «На вахте» Зузенко — мой сосед по даче в Пушкине. Мне в то время негде было жить в Москве, и Зузенко нашел для меня пристанище в Пушкине под Москвой, рядом с домом, где жил он сам. Пристанище оказалось пустой, как сарай, и гулкой дачей. О Зузенко я уже писал довольно много. Да и нельзя было не писать об этом строптивом и добром человеке с лицом, изуродованным боксом. Мы сдружились, очевидно, по резкой противоположности характеров. Зузенко не знал сомнений, я же был полон ими сверх меры. Зузенко был грубоват и насмешлив, а я, к своему огорчению, был вежлив даже с трамвайными ворами и не любил насмешек.</p>	<p>Со мной в толпе шел Зузенко.</p>	<p>То же.</p>
5	<p>Он был мертв, этот человек, стремительно перекоивший мир. Каждый из нас думал о том, что теперь будет с нами. Куда пойдет страна? Какая судьба ждет революцию? Казалось, что время застыло. Эпоха отыграла свое, замолкла, и вряд ли кто-нибудь сможет удержать ее на прежнем пути.</p>	<p>Он был мертв, этот человек, стремительно перекоивший мир. Каждый из нас думал о том, что теперь будет с нами.</p>	<p>То же.</p>

6	<p>Ни одно поколение не испытало того, что испытали мы. Ни такого подъема, ни таких надежд, ни такой жути, разочарований и побед. <...></p> <p>Мне было в то время тридцать лет, но прожитая жизнь уже казалась такой огромной, что при воспоминании о ней делалось страшно. Даже холодок сжимал сердце.</p> <p><...> Всем существом я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны, от радостей, какие так редко испытывал мой народ, и от страданий — чудовищных и небывалых, которые выпадали на его долю так незаслуженно щедро.</p>	<p>Ни одно поколение не испытало того, что испытали мы. Ни такого подъема, ни таких надежд, ни таких разочарований и побед. <...></p> <p>Мне было в то время тридцать лет, но прожитая жизнь уже тогда казалась такой огромной, что при воспоминании о ней делалось страшно. Даже холодок подкатывал под сердце.</p> <p><...> Всем существом я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны, от радостей, какие испытывал мой народ, и от страданий, которые выпали на его долю с такой незаслуженной щедростью.</p>	<p>Ни одно поколение не испытало того, что испытали мы. Ни такого подъема, ни таких надежд, ни такой жути, ни таких разочарований и побед. <...></p> <p>Мне было в то время тридцать лет, но прожитая жизнь уже тогда казалась такой огромной, что при воспоминании о ней делалось страшно. Даже холодок подкатывал под сердце.</p> <p><...> Всем существом я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны, от радостей, какие так редко испытывал мой народ, и от страданий, которые выпали на его долю с такой незаслуженной щедростью.</p>
7	<p>Потом мы долго ехали с Зузенко в Пушкино в пустом дачном поезде. Он грохотал и качался в густом пару. Колеса вагонов звучно били по стыкам рельсов. Им вторило ночное эхо. Казалось, что оно тоже замерзает и потому звенит и потрескивает, как тонкий лед, разбитый камнем.</p> <p>В Пушкине все дымилось от невыносимого мороза.</p>	<p>Потом мы долго ехали с Зузенко в Пушкино. Пустой дачный поезд грохотал и качался в пару. Колеса вагонов звучно били по стыкам рельсов. Им вторило ночное эхо. Казалось, что оно тоже замерзает от стужи и потому звенит, как тонкий лед, разбитый камнем.</p> <p>В Пушкине все дымилось от мороза.</p>	То же.
8	<p>В комнате у Зузенко всегда было холодно, окна заросли льдом, — снег в ту зиму валил почти непрерывно. Плакаты, казалось, от зимнего холода съезживались и тускнели.</p>	<p>У Зузенко всегда было холодно. Окна заросли льдом — снег в ту зиму валил почти непрерывно. Плакаты, казалось, съезживались от такой зимы и быстро тускнели.</p>	То же.

9	<p>Зузенко разжег австралийский усовершенствованный примус. Он ревел, как перегретый паровой котел, и готов был каждую секунду взорваться.</p>	<p>Зузенко разжег свой австралийский примус. Он ревел, как перегретый паровой котел, и был готов каждую секунду взорваться.</p>	То же.
10	<p>В моей комнате было тоже холодно, как в запертом леднике. Я затопил печку и тотчас лег, не раздеваясь, укрывшись потертой медвежьей шкурой.</p> <p>Я снял комнату вместе с этой огромной шкурой и скудной пыльной мебелью. Пыль на мебели просто окаменела. Ее нельзя было стереть ничем, разве только счистить напильником.</p> <p>Занавески на окнах примерзли к стеклам, и в пазах между бревен пищали мыши.</p>	<p>Я часто оступался в глубокий снег. Лес вокруг трещал и скрипел.</p> <p>В моей комнате было тоже холодно, как в запертом леднике. Часто присаживаясь на табурет, чтобы отдышаться и избавиться от головокружения, я затопил печку и тотчас лег, не раздеваясь, укрывшись знакомой медвежьей шкурой. Под ней умирал маленький мальчик Шурка Балашов, и она из больницы вернулась ко мне. Занавески на окнах примерзли к стеклам, и где-то в пазах между бревен пищали мыши.</p>	То же.

11	<p>Я говорил себе: «Сам виноват!» — но от этого не становилось легче. Одиночество стояло во-круг — холодное, мертвое, будто я прижимался лицом к ледяному стеклу и различал за ним только седую, убитую морозом равнину без единого дерева, без единственного проблеска света, без отдаленного человеческого голоса.</p> <p>Я ворочался под медвежьей шкурой. Голова у меня мутилась. Я подумал, что сейчас, в такие дни, просто нельзя уступать смутным и печальным мыслям, нельзя позволять тоске распорядиться собой. Мир потрясен. Москва пылает в похоронных кострах. Люди ждут избавления от тысячелетних и бессильных страданий. Ушел человек, который знал, что делать. Он знал. Завтра его опустят в прокаленную холодом землю. Первая же ночь засыплет могилу снегом и будет равнодушно продолжать свой предназначенный путь. <...> В стенах сильнее забегали и запищали мыши. Мне было жарко, душно, хотя холод сжимал мне лоб ледяной рукой. От этого болела голова. Очнулся я утром, если можно назвать утром серый сумрак, наморок, заползавший в комнату из окна и тут же падавший в темноту на пол. Снег уже не шел.</p> <p>Он знал. Но знаем ли мы? <...> В стенах сильнее забегали и запищали мыши. Сильно болела голова.</p> <p>Серый сумрак, паморок, заползал в комнату из окна и тут же падал в темноту, на пол.</p>	<p>Голова у меня мутилась. Я подумал, что сейчас, в такие дни просто нельзя уступать смутным и печальным мыслям, нельзя позволять тоске распорядиться собой. Мир потрясен. Москва пылает в похоронных кострах. Люди ждут избавления от тысячелетних и бессильных страданий. Ушел человек, который знал, что делать. Он знал. Завтра его опустят в прокаленную холодом землю. Первая же ночь засыплет могилу снегом и будет равнодушно продолжать свой предназначенный путь. <...> В стенах сильнее забегали и запищали мыши. Мне было жарко, душно, хотя холод сжимал мне лоб ледяной рукой. От этого болела голова. Очнулся я утром, если можно назвать утром серый сумрак, наморок, заползавший в комнату из окна и тут же падавший в темноту на пол. Снег уже не шел.</p>	<p>Голова у меня мутилась. Я подумал, что сейчас, в такие дни просто нельзя уступать смутным и печальным мыслям, нельзя позволять тоске распорядиться собой. Мир потрясен. Москва пылает в похоронных кострах. Люди ждут избавления от тысячелетних и бессильных страданий. Ушел человек, который знал, что делать. Он знал. Завтра его опустят в прокаленную холодом землю. Первая же ночь засыплет могилу снегом и будет равнодушно продолжать предназначенный ей путь. <...> А между тем тьма как будто сгустилась. В стенах сильнее забегали и запищали мыши. Мне было жарко, душно, хотя холод сжимал мне лоб ледяной рукой. От этого болела голова. Очнулся я утром, если можно назвать утром серый сумрак, заползавший в комнату из окна и тут же падавший в темноту на пол. Снег уже не шел.</p>
----	--	--	--

12	<p>Вскоре оранжевые пятна солнца упали на черные стены и на фотографию Блока. На его лице лежала легкая надменность гения. Зузенко постучал в окно и крикнул, приложив ладони к стеклу, чтобы я даже не смел отворять ему дверь: мороз осатанел и просто сжигает легкие. — Ехать в Москву невымыслимо! — прокричал он. — Оставайтесь. Ложитесь. Я поеду, вернусь поскорее и все вам расскажу.</p>	<p>Вскоре оранжевые пятна солнца упали на черные стены и на фотографию Блока. Зузенко постучал ко мне в окно и крикнул, приложив ладони к стеклу, что мороз осатанел и от него болят легкие. — Вам ехать в Москву невымыслимо, — прокричал он. — Оставайтесь! Не смейте вставать и открывать мне дверь. Я скоро вернусь и все расскажу.</p>	<p>Вскоре оранжевые пятна солнца упали на черные стены и на фотографию Блока. На его лице лежала легкая надменность гения. Зузенко постучал ко мне в окно и крикнул, приложив ладони к стеклу, что мороз осатанел и от него болят легкие. — Вам ехать в Москву невымыслимо, — прокричал он. — Оставайтесь! Не смейте вставать и открывать мне дверь. Я скоро вернусь и все расскажу.</p>
13	<p>Поэтому я все брел и брел, спотыкаясь, понимая, что идти бессмысленно и надо возвращаться.</p>	<p>Поэтому я все шел и шел, спотыкаясь, понимая, что идти бессмысленно и надо возвращаться.</p>	<p>То же.</p>
14	<p>Телеграфный столб задержал меня надолго. Я прислонился к нему, оглянулся и увидел, как Пушкино тяжело и густо дымилось всеми своими печными трубами, всем своим березовым дымом. Он был алым от мороза. <...> Мне казалось, что там, в дыму, гораздо теплее, чем здесь, в невысоком подмосковном лесу. Лес потрескивал от мороза, как тлеющие дрова, и часто сбрасывал с вершин плоские блестящие снежки, похожие на чешуйки слюды. Каждая ель, отягощенная снегом, стояла, как страж огромных завалов легкого серебра, всей этой тихой зимней благостыни.</p>	<p>Телеграфный столб задержал меня ненадолго. Я прислонился к нему, оглянулся и увидел, как Пушкино тяжело дымило всеми своими печными трубами, всем своим березовым дымом. Дым был алым от морозного солнца. <...> Лес потрескивал от мороза, как тлеющие дрова, и часто сбрасывал с вершин плоские блестящие снежки, похожие на рыбки чешуйки. Каждая ель, отягощенная снегом, стояла, как страж этой тихой зимней пустыни. Я стоял, ждал. Я убеждал себя, что в этой ломкой тишине обязательно услышу, когда гроб будут опускать в могилу; хотя</p>	<p>То же.</p>

	<p>Я знал, что лес в этих местах небольшой, но снег перепутал все расстояния и скрыл их от глаз. Поэтому лес казался бесконечной девственной пущей, где не прошел за столетие ни один человек.</p> <p>Я стоял, ждал. Я убеждал себя, что в этой ломкой тишине обязательно услышу отдаленный, но слитный гул всех заводских гудков Москвы. Может быть, даже услышу громыхающий вздох орудийных залпов.</p>	<p>бы и очень отдаленный, но слитный гул всех заводских гудков Москвы. Может быть, даже услышу громыхающий вздох орудийных залпов.</p>	
15	<p>Наконец со стороны Пушкина послышался нарастающий шум, — это шел в Москву, выбрасывая столбы дыма и пара, сибирский экспресс.</p> <p><...> Все казалось, что вагоны хотят отстать, остановиться, отдохнуть, но паровоз безжалостно мчит их вперед и не дает отдышаться.</p> <p>Поезд приближался. Внезапно он вздрогнул. Залязгали и запели тормоза. Грохот колес оборвался, и поезд остановился среди леса. Паровоз дышал, как запаленная лошадь.</p> <p>Поезд остановился там, где его застало время похорон. Пар вырвался могучей струей из недр паровоза, и паровоз закричал. Он кричал непрерывно, не меняя тона. В его крике слышалось отчаяние, гнев, призыв.</p>	<p>Со стороны Пушкина, выбрасывая столбы дыма, шел поезд. Был слышен его нарастающий гром.</p> <p>Шел сибирский экспресс. <...> Все казалось, что вагоны хотят отстать, остановиться, но паровоз безжалостно мчал их вперед и не давал отдышаться.</p> <p>Поезд приближался. Внезапно он вздрогнул. Залязгали и заскрежетали тормоза. Грохот колес оборвался, и поезд сразу остановился среди леса. Паровоз дышал, как запаленная лошадь.</p> <p>Он остановился там, где его застало время похорон. Тотчас пар вырвался струей из недр паровоза, и паровоз закричал. Он кричал непрерывно, не меняя тона. В его крике слышалось отчаяние, гнев, призыв.</p>	<p>Со стороны Пушкина, выбрасывая столбы дыма, шел поезд. Был слышен его нарастающий гром.</p> <p>Шел сибирский экспресс. <...> Все казалось, что вагоны хотят отстать, остановиться, но паровоз безжалостно мчит их вперед и не дает отдышаться. Поезд приближался. Внезапно он вздрогнул. Залязгали и заскрежетали тормоза. Грохот колес оборвался, и поезд сразу остановился среди леса. Паровоз дышал, как запаленная лошадь.</p> <p>Он остановился там, где его застало время похорон. Тотчас пар вырвался струей из недр паровоза, и паровоз закричал. Он кричал непрерывно, не меняя тона. В его крике слышались отчаяние, гнев, призыв.</p>

<p>Этот могучий гудок летел окрест — в леса, в стужу, в поля, где одним нетронутым пластом расстилались снега.</p> <p>Шли минуты, а паровоз кричал все так же томительно, так же тоскливо и настойчиво, возвещая, что сейчас на Красной площади в Москве хоронят Ленина.</p> <p>Экспресс промчался через тысячи километров великой русской зимы, но опоздал. Всего на сорок минут.</p> <p>Мне казалось, что я слышу не только вопль сибирского экспресса, но крик всей Москвы. В эту минуту остановилась жизнь. Даже морские пароходы легли в дрейф и сотрясали зимние свинцовые воды плачем мощных сирен.</p> <p>Гудок сразу стих, и поезд тронулся в задымленную даль, к близкой Москве.</p>	<p>Этот могучий гудок летел окрест — в леса, в стужу, в поля, где одним глубоким пластом расстилались снега.</p> <p>Прошла минута, две. Паровоз кричал все так же томительно, так же тоскливо и непрерывно, возвещая, что сейчас на Красной площади в Москве предадут погребению тело Ленина.</p> <p>Поезд промчался через тысячи километров великой русской земли, но опоздал. Всего на сорок минут.</p> <p>Мне казалось, что я слышу не только гудок сибирского экспресса, но вопль всей Москвы. В эту минуту остановилась жизнь. Даже морские пароходы легли в дрейф и оглашали зимние свинцовые воды морей плачем сирен.</p> <p>Гудок сразу стих, и поезд медленно тронулся в задымленную даль, к близкой Москве.</p>	<p>Этот могучий гудок летел окрест — в леса, в стужу, в поля, где одним глубоким пластом расстилались снега.</p> <p>Прошла минута, две. Паровоз кричал все так же томительно, так же тоскливо и непрерывно, возвещая, что сейчас на Красной площади в Москве предадут погребению тело Ленина.</p> <p>Поезд промчался через тысячи километров великой русской земли, но опоздал. Всего на сорок минут.</p> <p>Мне казалось, что я слышу не только гудок сибирского экспресса, но вопль всей Москвы. В эту минуту остановилась жизнь. Даже морские пароходы легли в дрейф и оглашали свинцовые воды морей плачем сирен.</p> <p>Гудок сразу стих, и поезд медленно тронулся в задымленную даль к близкой Москве.</p>
--	---	---

Работая над текстом, Паустовский заменил первоначальное название: «*Январская стужа*» — в «Огоньке» (далее — О) на «*Стужа*» — в последующих публикациях. Ранее название актуализирует публикацию, делает ее созвучной времени появления в печати — январь 1962 г. Сокращенный вариант подразумевает некую рефлекссию: это уже не упоминание зимних холодов, а характеристика того состояния, которое охватило людей: стужа — не только мороз, но и холод смерти. Первоначальное название главы авторское, оно зафиксировано в машинописях с правкой, хранящихся в РГАЛИ¹⁸.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 19.

В более позднем варианте машинописи название вычеркнуто и вписано новое — «Стужа»¹⁹.

Как и в рассмотренной выше главе, правка содержится уже в первой строке: «*От костров*» (О) заменено в НМ на: «*Над кострами*»; также расширено описание: в НМ добавлено деепричастие: «со скрежетом ползли, *позванивая*, трамваи». Только в НМ присутствует позднее измененный вариант (вероятно, редакторская или корректорская правка): «Костры складывали на площадях из *целых* бревен» (в НМ — «*цельных*») (пример 2).

Начиная с новомирской публикации дается пояснение, отсутствовавшее в О: «Со стороны Красной площади доносились сильные взрывы. Там разбивали окаменелую землю, *готовили могилу для Ленина*» (пример 3). Отметим, что это первое упоминание имени вождя в главе. В О же первое упоминание — только в конце следующего абзаца, где говорится о толпе, «продвигавшейся к Колонному залу, где лежал Ленин».

Несколько сокращений, внесенных в НМ и сохраненных в более поздних публикациях, связаны с характеристикой сотрудника «морской газеты» «На вахте» Зузенко, которого Паустовский ни разу не называет по имени. Изъятия связаны с тем, что о Зузенко уже говорилось в предыдущих главах книги, соответственно, вновь раскрывать отдельные факты его биографии не было никакой необходимости (см. пример 4)²⁰.

В восьмитомнике автором восстановлена по О характеристика портрета А.А. Блока — «*На его лице лежала легкая надменность гения*», отсутствовавшая в НМ.

Из текста, напечатанного в О, в последующие издания не вошли размышления о судьбах революции после смерти Ленина (пример 5); размышления же повествователя о непростой судьбе своего поколения (пример 6) в новомирской публикации были сглажены. Позже Паустовский практически полностью восстановил свой текст, не отказавшись при этом от редакторской корректировки текста. Например: «Ни такого подъема, ни таких надежд, ни такой *жести*, разочарований и побед» (О), «Ни такого подъема, ни таких надежд, ни таких разочарований и побед» (НМ), «Ни такого подъема, ни таких надежд, *ни такой жести*, ни таких разочарований и побед» (т. 5). Приведенные слова вызвали вопросы редактора «Нового мира» — отчеркивания карандашом и вычеркивание красными чернилами

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 39.

²⁰ Об Александре Михайловиче Зузенко см. подробнее: [6; 7; 8].

слова «жуги»²¹. Сходная ситуация и с соседним фрагментом из О: «Всем существом я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны, от радостей, какие *так редко* испытывал мой народ». Снятые редактором НМ слова «*так редко*», усиливающие констатацию катастрофической нехватки радостных моментов, в последующем были восстановлены автором.

Существенно перерабатывался фрагмент, в котором описания собственной болезни переплетаются с размышлениями о смерти Ленина и ее последствиях (пример 11). В частности, из огоньковского текста («Ушел человек, который знал, что делать. / Он знал. Но знаем ли мы?») снято последнее предложение, в котором содержатся сомнения в том, насколько ясен оставшимся в живых путь страны.

В ряде случаев, как и в главе «“Четвертая полоса”», в текст были внесены мелкие редакторские изменения (примеры 7 и 13) или снято непонятное читателям слово (пример 11): «паморок» — в О, «наморок» — в НМ, которое объясняется автором как «серый сумрак». При этом только в О зафиксированы небольшие лирические отступления, в последующем снятые или сильно сокращенные (пример 14), например: «*Мне казалось, что там, в дыму, гораздо теплее, чем здесь, в невысоком подмосковном лесу*»; «*Я знал, что лес в этих местах небольшой, но снег перепутал все расстояния и скрыл их от глаз. Поэтому лес казался бесконечной девственной пущей, где не прошел за столетие ни один человек*».

Паустовский значительно переработал описание своей комнаты в Пушкине (пример 10). Часть текста, опубликованная в О («Пыль на мебели просто окаменела. Ее нельзя было стереть ничем, разве только счистить напильником»), в НМ была перенесена в главу «Ночные поезда», а в «Стуже» добавлено упоминание о мальчике Шурке Балашове, который умирал в больнице под шкуркой белого медведя, позже вернувшейся в комнату повествователя. Неоднократно перерабатывался и эпизод (пример 15), связанный с остановкой сибирского экспресса в тот момент, когда в Москве «*предают погребению тело Ленина*» (НМ и т. 5; в О: «*хоронят Ленина*»).

Рассмотрим также главу «Ночные поезда», впервые опубликованную в № 36 «Литературной газеты» от 23 марта 1963 г. (спустя месяц с небольшим ее перепечатадо «Новое русское слово»). В неподписанном пояснении от редакции отмечено: «Ниже мы печатаем

²¹ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860. Сообщено И.Н. Коржовой.

главу из книги К. Паустовского “На медленном огне”. Книга эта войдет в автобиографический цикл “Повесть о жизни”. Действие главы происходит в Москве в 1923 году»²². Как видим, весной 1963 г. основным названием произведения являлось «На медленном огне».

Для сопоставления возьмем три варианта главы «Ночные поезда»: газетный, журнальный и книжный.

	«Литературная газета»	«Новый мир»	Собр. соч. в 8 т. Т. 5
1	Я скитался по знакомым, пока капитан Зузенко, работавший вместе со мной в морской газете «На вахте», не нашел мне пристанище в Пушкине <...>	Мне пришлось убраться с Гранатного переулка, так как вернулся из командировки жилец, в комнате которого я поселился. Сотрудник «На вахте» капитан Зузенко нашел мне пристанище в Пушкине <...>	Мне пришлось убраться с Гранатного переулка, так как вернулся из командировки жилец, в комнате которого я поселился. Сотрудник «На вахте» капитан дальнего плавания Зузенко нашел мне пристанище в Пушкине <...>
2	В моей комнате стояла скучная и пыльная мебель и лежала на продавленной тахте потерявшая шкура белого медведя. <...> В пазах между бревен дружно пищали мыши.	В моей комнате стояла кое-какая пыльная мебель и лежала на продавленной тахте потерявшая шкура белого медведя. <...> В пазах между бревен пищали мыши.	В моей комнате стояла кое-какая пыльная мебель и лежала на продавленной тахте потерявшая шкура белого медведя. <...> В пазах между бревнами пищали мыши.
3	На людей, сходявших ночью в безлюдной Тайнинке, смотрели с сожалением <...>.	На попутчиков, сходявших ночью в безлюдной Тайнинке, смотрели с сожалением <...>.	То же.
4	[О Зузенко:]Заметив в вагоне «подозрительно-го по шпане» человека, он долго и тяжело смотрел на него, потом вставал, зловеще и медленно подходил к нему и говорил <...>.	[О Зузенко:] Заметив в вагоне «подозрительного по шпане» человека; он долго и тяжело смотрел на него, потом вставал, шел к нему зловеще и медленно и говорил <...>.	То же.

²² Литературная газета. 1963. 23 марта. С. 3; Новое русское слово. 1962. 28 апреля. С. 2.

5	<p>Зузенко схватил мальчишку за шиворот, но тотчас отпустил. — Что это? — крикнул он. — Как он стреляет? Руки у него наружу!</p>	<p>Зузенко схватил мальчишку за шиворот, но тотчас отпустил. — Что это, распротак его так! — крикнул он. — Как он стреляет! Руки у него наружу!</p>	<p>Зузенко схватил мальчишку за шиворот, но тотчас отпустил. — Что это, распротак его так! — крикнул он. — Как он стреляет? Руки у него наружу!</p>
6	<p>Очевидно, пробки нагрелись.</p>	<p>Очевидно, пробки согрелись.</p>	<p>То же.</p>
7	<p>Второе преимущество поездок с Зузенко относилось к поездам из Пушкина в Москву. Как только ранним утром мы входили в вагон в Пушкине, Зузенко начинал рассказывать мне всяческие занимательные истории из своей жизни. Любопытные пассажиры подсаживались поближе.</p>	<p>Второе зузенковское преимущество было связано с утренними поездками в Москву. Во время этих поездок я выслушал множество увлекательных историй из его жизни. Как только Зузенко входил в вагон в Пушкине, он тотчас начинал рассказывать мне эти истории. Любопытные пассажиры подсаживались поближе.</p>	<p>То же.</p>
8	<p>Чтобы лучше слышать, пассажиры тесно сбивались вокруг капитана и наваливались мне на плечи и спину.</p>	<p>Чтобы лучше слышать, пассажиры тесно сбивались вокруг капитана и наваливались мне на спину.</p>	<p>То же.</p>
9	<p>Приходил кондуктор и начинал речь о неправильной нагрузке вагонов. Все вагоны пустые, а в этот не втиснешься. Да он и не рассчитан на такую нагрузку. Безобразие! Наверняка загорятся буксы. Каждый раз пассажиры вступали с кондуктором в беспорядочный технический спор и доказывали ему, что «вагон не просядет» и никакого крушения не будет.</p>	<p>Приходил кондуктор и начинал речь о неправильной нагрузке поезда. Все вагоны пустые, а в этот не втиснешься. Да он и не рассчитан на такую уйму пассажиров. Беспорядок! Наверняка загорятся буксы. Каждый раз Зузенко и пассажиры вступали с кондуктором в беспорядочный технический спор и доказывали ему, что вагон «не просядет и буксы никак не сгорят».</p>	<p>Приходил кондуктор и начинал речь о неправильной нагрузке поезда. Все вагоны пустые, а в этот не втиснешься. Да он и не рассчитан на такую уйму пассажиров. Беспорядок! Наверняка загорятся буксы. Каждый раз Зузенко и пассажиры вступали с кондуктором в беспорядочный технический спор и доказывали ему, что вагон «не просядет и буксы никак не сгорят».</p>

10	—	Мне нравился у Зузенко насмешливый взгляд, взвешивающий собеседника, тяжелая и осторожная поступь, будто по палубе в шторм, грубоватый юмор и склонность к сложным и наивным предприятиям ради сомнительного заработка.	То же.
----	---	---	--------

В НМ и т. 5 добавлен фрагмент, объясняющий необходимость переселения на новое место (пример 1): *«Мне пришлось обратиться с Гранатного переулка, так как вернулся из командировки жилиец, в комнате которого я поселился»*. В описание нового жилища (пример 2) внесены небольшие изменения, например, *«дружно пищали мыши»* (ЛГ) сокращено до *«пищали мыши»* (НМ, т. 5); пассажиры электрички (пример № 3) названы не просто *«людьми»* (ЛГ), а *«лопучиками»* (НМ, т. 5) — дана уточняющая характеристика (близкие примеры — № 4, 5 и 6).

Примеры 7, 8 и 9 показывают, что Паустовский перерабатывал текст, стремясь как можно более точно раскрыть эпизод, связанный с Зузенко-рассказчиком. В НМ появляется сохранившаяся и в более поздних изданиях характеристика Зузенко (пример 10).

Проведенный сопоставительный анализ прижизненных публикаций трех глав шестой части «Повести о жизни» Паустовского свидетельствует о том, что как после публикации фрагментов в периодике, так и после полной публикации книги в журнале «Новый мир» автор продолжал работу над текстом: расширялись или уточнялись характеристики персонажей, корректировались описания, появлялись или снимались эпитеты. В ряде случаев после публикации в «Новом мире», подготовка которой не обошлась без редакторского вмешательства, прозаик вернулся к первоначальному варианту, порой внося в него мелкую редакторскую правку.

Литература

1. Левцкий Л., Полосина Л. Примечания // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 706–731.

2. Паустовский К.Г. Бросок на юг. Повесть. М.: Сов. писатель, 1961. 204 с.

3. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 5: Повесть о жизни: Время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. 576 с.
4. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.
5. Твардовский А.Т. Новомировский дневник: в 2 т. М.: ПРОЗАИК, 2009.
6. Уиндл К. Александр Зузенко и австралийская тема в советской литературе // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2005. № 32. Р. 11–20.
7. Уиндл К. Журналист и революционер на трех континентах: А.М. Зузенко // Тыняновский сборник. М.: Водолей, 2006. Вып. 12: Десятые, Одиннадцатые, Двенадцатые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. С. 452–468.
8. Windle K. Orpheus Down Under: Fragment by A.N. Tolstoi on the career of Captain Zuzenko. Translation and commentary // *Slavonica*. 2006. November. Vol. 12, № 2. P. 91–105.

Research Article

On the Issue of Printed Sources of the 6th Part of K.G. Paustovsky’s *The Story of a Life* “On Low Heat. (Book of Wanderings)”

© 2024. Maxim V. Skorokhodov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support from the Russian Science Foundation, project № 24-28-01479 “Textological Problems of Konstantin Paustovsky’s Work: *The Story of a Life*” (<https://rscf.ru/project/24-28-01479/>).

Abstract: The article reveals the main milestones of Konstantin G. Paustovsky’s creative cooperation with the editors of the journals “Znamya” and “Novyi Mir,” in which *The Story of a Life* was published. Identified and briefly characterized lifetime printed sources of the text of three chapters of the sixth part of *The Story of a Life* — “On Low Heat (The Book of Wanderings)”: “The Fourth Strip,” “January Cold” (“The Cold”) and “Night Trains.” The article identifies and characterizes the discrepancies in the named chapters and hypothesizes about the reasons for their occurrence. The novelist, having published individual chapters in periodicals and then the whole work in the journal “Novyi Mir,” continued to work on the text by expanding or clarifying the characters’ features, correcting descriptions, and adding or removing epithets. In many cases, after publication in the journal “Novyi Mir,” the preparation of which was not without editorial intervention, Paustovsky returned to the original version, sometimes making minor editorial corrections. The article

introduces new sources into the scientific circulation, including letters addressed to the writer containing statements about the sixth part of *The Story of a Life*.

Keywords: Konstantin G. Paustovsky, *A Story of a Life*, the “Novyi Mir” journal, the “Znamya” journal, “Literaturnaya Gazeta,” text sources, editorial work.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: Skorokhodov, M.V. “On the Issue of Printed Sources of the 6th Part of K.G. Paustovsky’s *The Story of a Life* ‘On Low Heat. (Book of Wanderings)’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 261–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-33-261-289>

References

1. Levitskii, L., and L. Polosina. “Primechaniia” [“Notes”]. Paustovskii, K.G. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.], vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982, pp. 706–731. (In Russ.)

2. Paustovskii, K.G. *Brosok na iug. Povest'* [Journey to the South. Story]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 204 p. (In Russ.)

3. Paustovskii, K.G. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.], vol. 5: *Povest' o zhizni: Vremia bol'shikh ozhidanii. Brosok na iug. Kniga skitanii* [The Story of a Life: The Time of Great Expectations. Journey to the South. The Book of Wanderings]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1968. 576 p. (In Russ.)

4. Paustovskii, K.G. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981–1986. (In Russ.)

5. Tvardovskii, A.T. *Novomirskii dnevnik: v 2 t.* [Novomir Diary: in 2 vols.]. Moscow, PROZAiK Publ., 2009. (In Russ.)

6. Uindl, K. “Aleksandr Zuzenko i avstraliiskaia tema v sovetsoi literature” [“Alexander Zuzenko and the Australian Theme in Soviet Literature”]. *Studia Rossica Posnaniensia*, no. 32, 2005, pp. 11–20. (In Russ.)

7. Uindl, K. “Zhurnal'ist i revoliutsioner na trekh kontinentakh: A.M. Zuzenko” [“Journalist and Revolutionary on Three Continents: A.M. Zuzenko”]. *Tynianovskii sbornik* [Tynyanov Collection], issue 12: *Desiatye, Odinnadtsatye, Dvenadtsatye Tynianovskie chteniia. Issledovaniia. Materialy* [10th, 11th, and 12th Tynyanov Readings. Studies. Materials]. Moscow, Vodolei Publ., 2006, pp. 452–468. (In Russ.)

8. Windle, Kevin. “Orpheus Down Under: Fragment by A.N. Tolstoi on the Career of Captain Zuzenko. Translation and Commentary.” *Slavonica*, vol. 12, no. 2, November, 2006, pp. 91–105. (In English)